

необходимым дополнением к такому изданию и позволяет ориентироваться в большом объеме информации.

Рецензируемая монография, безусловно, должна занять свое место в корпусе современных исследований, претендующих на пре-

зентацию новых подходов к изучению культурной жизни начала XX века как сложно структурированного феномена, а у вновь обретенного термина «срочная словесность», думается, может быть весьма интересная научная судьба.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-251-253

© Л. В. Хачатурян

ПРИТЯЖЕНИЕ БУНИНА*

В прошлом году в серии трудов Отдела новейшей русской литературы ИМЛИ РАН «Литература русского зарубежья. Писатель в литературном процессе» вышел сборник статей, приуроченный к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина.

В предисловии «От редактора» Ю. А. Азаров определил проблематику издания как попытку создать максимально полную научную интерпретацию наследия Бунина. Центр тяжести закономерно перенесен на архивные исследования, так как буниноведение находится сейчас в стадии активного поиска новых материалов и методологии: «Разрозненный архив писателя, если его рассматривать в целом, содержит многочисленные документы, дневниковые записи, обширную переписку, что открывает широкие возможности для будущих хроникально-биографических разысканий» (с. 9). Заявленная источниковедческая основа вводит бунинский том в контекст другого проекта ИМЛИ РАН — портала «Академический Бунин». И если цель последнего фундаментальна — создать базу для изучения жизни и творчества писателя, то с точки зрения прикладной задачи — подготовки первого Полного собрания сочинений и писем И. А. Бунина — эти исследования можно назвать взаимодополняющими.

Сборник состоит из трех частей: «И. А. Бунин в контексте русской литературы», «И. А. Бунин и его современники» (которая включает раздел «И. А. Бунин и А. М. Горький», что объясняется горьковедческой специализацией Института мировой литературы), «Творческая история, поэтика, текстология». Подавляющее большинство участников издания — сотрудники ИМЛИ РАН. Внутри разделов соблюдается хронологический принцип: от дореволюционного периода

к последнему этапу жизненного и творческого пути Бунина.

Первый раздел открывается исследованием Ю. Я. Барабаша «Между Каменкой и Грассом» (отсылка к «Жизни Арсеньева») с подзаголовком «Бунин и Гоголь». В работе прослеживается эволюция оценок Буниным (Арсеньевым) гоголевского творчества — от восхищения «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом» (молодой Арсеньев — молодой Гоголь) до резкого неприятия его поздних произведений: «„У Гоголя необыкновенное впечатление произвели на меня «Староветские помещики» и «Страшная месть». Какие необыкновенные строки! Как дивно звучат они для меня и до сих пор, с детства войдя в меня без возврата <...>“ В Грассе, 30 апреля 1940 г., Бунин делает запись в дневнике: „Не знаю, кого больше ненавижу как человека — Гоголя или Достоевского“» (с. 17). Классическая эстетика модерниста Бунина противопоставлена барочным мотивам зрелого Гоголя: «Все это чуждо Бунину, любые проявления условности, гротеска, сатирического заострения ему не интересны, все эти Добчинские и Бобчинские, Сквозники-Дмухановские, Яичницы, Чичиковы кажутся ему в лучшем случае „плюсками, балаганными“» (с. 39).

В статье В. Н. Терехиной «Бунин и Маяковский: новые аспекты старой темы» (с. 44–63) оппозиция Бунина и Маяковского, классического модернизма и его радикального направления — первого авангарда, представлена не только как политически мотивированная, но и эстетически несоместимая. Исследовательницу интересует не столько характерная для русской эмиграции опосредованная разными политическими позициями рецепция творчества Маяковского,¹ сколько собственно

* Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина). М.: ИМЛИ РАН, 2022. 976 с. Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, <https://rscf.ru/project/22-18-35019>, в НИУ ВШЭ.

¹ В качестве примера Терехина использует сравнительно нейтральное высказывание Марка Слонима: «Казалось бы, здесь, где можно говорить во весь голос, не опасаясь ГеПеУ, вне досягаемости всяких административных нажимов и полицейских приказаний, можно было проявить объективность в отношении

стилистический антагонизм, в конечном счете потребовавший полного взаимоисключения.² Уже в генезисе творчества Бунина заложено тотальное неприятие «всего маяковского» (не только акционизма), резко, с оттенком сарказма выраженное в его дневниках и публицистике. В равной степени без «сбрасывания с корабля современности» «академика»-Бунина было невозможно создание новой эстетики, а затем и новой истории русского авангарда.

Если дихотомия Бунин — Маяковский выстраивается на полном отторжении политического и эстетического оппонента, то отношение критиков к творчеству будущего нобелевского лауреата зачастую становилось своеобразным зеркалом для собственных идей и исканий, что показано в работе «Взаимное отражение: Бунин и критика» (с. 83–96) С. Р. Федякина. Из огромного массива прижизненной критики для исследования тщательно отобраны отзывы «собратьев по цеху». «Каждый отклик не похож на другие: статья дотошного критика (Ходасевича) пронизана „историей вопроса“, статья мыслителя (Степуна) — философией, статья писателя (Сирина) — вздрагивающими, текучими образами» (с. 84). При этом каждое критическое высказывание рассматривается как «я-текст», т. е. тезис, имеющий преимущественное отношение к самому автору, и только потом — к Бунину. «Особенно примечательно в писаниях рецензентов стремление сказать о Бунине так, словно говоришь о себе. „Он не холоден: он целомудрен“, — бросает Ходасевич <...> Из того же ряда и формула Набокова: „Тоска больших поэтов — счастливая тоска“. Стоит лишь подставить вместо Толстого Державина, вместо Бунина самого Ходасевича, и мы увидим характеристику собственного труда» (с. 85).

Тема «я-текста» выходит на первый план в работах О. А. Казниной «Книга И. А. Бунина „Освобождение Толстого“ в контексте литературной и философской критики русского зарубежья» (с. 209–284), Д. Д. Николаева «Бунин в газете „Возрождение“ (1925–1927)» (с. 209–284) и М. М. Полехиной «Поэтика повседневности в дневниках И. А. Бунина 1920–1930-х гг.» (с. 678–702). Бунин, ведущий собственный дневник, обращается к гигантскому дневниковому корпусу Толстого и находит в нем «образец жанра»: «Дневник — одна из

Маяковского и честно попытаться понять его творчество. Но как там — захлебывание от восторга, так здесь — захлебывание от ненависти. Там политический апофеоз, здесь — политическая анафема» (цит. на с. 45).

² Ср. приведенную в работе цитату В. Катаева: «При нем (Бунине. — Л. Х.) я боялся даже произнести кощунственную фамилию: Маяковский. Так же, впрочем, как впоследствии я никогда не мог в присутствии Маяковского сказать слово: Бунин. Они оба взаимно исключали друг друга» (цит. на с. 55).

самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (цит. на с. 241; запись от 23 февраля 1916 года). Исследование Полехиной сосредоточено на «профессиональной деформации» записей — коммуникативной структуре дневника писателя. Присутствие «скрытого адресата» — имплицитного читателя — делает дневник идеальным материалом для последующей переработки в художественный текст.

Дневниковые записи становятся документальной основой публицистики Бунина («Окаянные дни»). По точному замечанию Николаева, использование «я-текста» позволяет совместить фактическую документальность (применительно к дневнику это точная фиксация переживаний 1918–1920 годов) и необходимую для публицистического текста злободневность, достигаемую актуальной авторской интерпретацией этих же событий в 1925–1926 годах. Безусловным приоритетом «фиксации текущего момента» (с. 220) объясняется сопоставление Бунина-публициста не с Толстым, а с Достоевским: «В самой форме дневника, выбранной для цикла газетных или журнальных публицистических очерков, нет ничего необычного. Самым известным примером могут служить „Дневники писателя“ Ф. М. Достоевского <...> ведь „Окаянные дни“ — это именно дневники писателя» (с. 229). Точная пропорция документального и художественного придает ту современность публицистике, которой одинаково достигали и Достоевский, и Бунин. Достаточно привести короткий отрывок из «Окаянных дней»: «В сущности, всем нам давно пора повеситься, — так мы забыты, замордованы теперь, лишены всех прав и законов, живем в невероятном рабстве и среди непрестанных заушений, издевательств. А все-таки живем...» (цит. на с. 241).

Изучению эдичионной техники Бунина посвящена другая статья Д. Д. Николаева в этом сборнике «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» (с. 813–903). Как отмечает исследователь, «публикационная история произведений И. А. Бунина в целом традиционна для XX в. и соответствует общей схеме „печатной жизни“ текстов значительных русских писателей. Как правило, стихотворение или рассказ сперва печатались в газете, журнале, коллективном сборнике или альманахе, затем включались в авторский сборник <...> и, наконец, вершиной пирамиды становилась публикация в собрании сочинений» (с. 812–813). Таким образом, идеальная эдичионная модель Бунина выстраивается как линейная схема, которая отражает последовательное движение к тексту, в максимальной степени выражающему волю автора.

Специфика бытования рукописных текстов, рассмотренная в работе С. Н. Морозова «„Краткие рассказы“ И. А. Бунина. Творческая история цикла» (с. 904–950), во многом зависит от ряда дополнительных факторов.

Прежде всего в силу обстоятельств степень сохранности и представительность бунинских рукописных источников значительно меньше, чем у многих других авторов. При этом в архивных собраниях Бунина, даже при работе с объединенным корпусом цифровых рукописей, что сейчас доступно немногим, не отражена вся последовательность работы. Круг автографов разомкнут, текстолог гипотетически восстанавливает исходную целостность наследия классика, нередко используя печатный текст вместо недостающего беловика.

Если же, сопоставляя тезисы двух исследований, попытаться представить себе бытование текста в целом, от первого наброска до последней правки на полях опубликованного Собрания сочинений, то оно будет напоминать

уже не прямую (печатный текст) и не разомкнутый круг (рукописи), а поднимающийся вверх серпантин, со множеством тропинок и тупиков, неумолимо сужающийся к финальной точке физического небытия автора.

Вот лишь несколько важных буниноведческих «сюжетов», затронутых в издании. Огромный объем сборника не позволяет в полной мере охарактеризовать каждое исследование в нашей рецензии. Заявленная проблематика фактически неисчерпаема и напоминает о принципе, сформулированном русской школой текстологии еще в 1920-е годы: с максимальной научной полнотой отразить предельное многообразие источников. И в этот процесс новый бунинский сборник вносит очень серьезный вклад.